

Шкуратов В.А., Михайлова О.Ю., Котова Т.А.

**Проблемы изучения отношения к жизни
и смерти в юридической психологии**

Статья посвящена анализу психолого-правовых аспектов экзистенциально-гуманистической проблематики. Показано, что в настоящее время проблемы отношения к жизни и смерти в юридической психологии рассматриваются преимущественно в связи с запросами практики. Между тем изучение этих проблем представляется весьма актуальным в связи с необходимостью познания основных закономерностей становления человека как высокоорганизованного существа, морально-этической основы его бытия.

Ключевые слова: отношение к жизни и смерти, смысл жизни, убийство, самоубийство, эвтаназия.

Экзистенциальные проблемы жизни и смерти всегда волновали человечество. Однако долгое время эта проблематика рассматривалась в рамках философских, этических и религиозных концепций. Психологическое изучение этой проблематики началось сравнительно недавно.

Психологический интерес к экзистенциальной проблематике определяется лично-индивидуализированным и глубоко интимным характером отношения человека к жизни и смерти. Неслучайно обсуждение этих вопросов исходно началось в контексте психологического анализа проблем человеческого бытия (Р. Мэй, 2004), смысла жизни (В. Франкл, 1990), т. е. проблем, связанных с осознанием проблемы жизни человека.

В российской психологической науке проблематика смысла детально разрабатывается в работах Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, парадигме смысловой регуляции деятельности (Б.С. Братусь, И.А. Васильев, Ф.Е. Василюк, Б.В. Зейгарник, В.А. Иванников, Д.А. Леонтьев, Е.В. Эйдман) и ряде других современных подходов. В целом надо отметить, что на современном этапе обнаруживается тенденция к интегральному рассмотрению понятий жизни и смерти в контексте целостного опыта или жизненного пути личности. При этом в психологическом изучении проблем отношения к жизни и смерти доминирует экзистенциально-гуманистический подход, в рамках которого решение субъектом этих вопросов рассматривается как позитивный фактор, предпосылка и необходимое условие личностного роста (Р. Ассаджиоли, Дж. Бьюдженталь, Т. и Э. Йоманс, А. Маслоу, Р. Мэй, Дж. Рейнуотер, В. Франкл, И. Ялом и др.). Причем имеющиеся в научной психологической литературе

исследования касаются преимущественно проблемы отношения к собственной смерти и смерти близких человеку людей.

Иначе дело обстоит в области юридической психологии. Прежде всего, надо отметить, что психолого-правовые исследования экзистенциальной проблематики носят преимущественно прикладной характер, редко поднимаясь на уровень теоретических и тем более методологических обобщений. Можно полагать, что существующее положение дел является проявлением общего кризиса методологии юридической психологии.

Длительное время юридическая психология развивалась в недрах юридической науки и практики. В результате концептуальные схемы теории права, уголовно-правовой теории и криминологии долгое время служили теоретической базой конкретной практики психолого-правовых исследований. Даже прежнее разделение судебной психологии на части Общую и Особенную несло отчетливый отпечаток уголовно-правовой традиции и не отражало специфику ее предмета. В работах по юридической психологии, как теоретических, так и прикладных, обнаруживается тенденция присоединения авторов к позиции законодателя. Большинство психолого-правовых исследований ориентировано на объяснение уже принятых правовых норм и интерпретацию применительно к праву понятий, по существу психологических, либо имеющих психологическое содержание (личность, вина, мотив, воля, несовершеннолетний и т. п.). Стремление «задним числом» обосновать результаты законотворчества, осуществлявшегося, как правило, без учета мнения специалистов-психологов и объясняет недостаток фундаментальных исследований в области юридической психологии.

Все это в полной мере относится и к изучению экзистенциальной проблематики. По сути дела, единственной развернутой концепцией смысла жизни применительно к проблематике криминальной психологии является ценностно-нормативная теория А.Р. Ратинова (1979). Автор рассматривает ценностно-нормативную сферу личности преступника через ее системную организацию. Одно из наиболее существенных положений его концепции – это представление личности как ценностно-нормативной системе, имеющей сложный многомерный динамический характер [4, с.73].

В качестве базового ядерного образования личности автор рассматривает мировоззрение. Включение мировоззрения в структуры личности является традиционным в отечественной психологии. Однако признание его в качестве идейной основы, стержня личности чаще всего ограничивается пониманием мировоззрения как системы взглядов, убеждений, морально-политического и естественно-научного содержания. А.Р. Ратинов предлагает рассматривать мировоззрение в неразрывном единстве его трех временных проекций – прошлое, настоящее, будущее, выделяя в его структуре мирозерцание, миропонимание, мироощущение, и мирозидание (как проектирование своей жизнедеятельности, определение ее смысла и перспектив). По его мнению, «в ситуации, выходящей за рамки жизненных будней, он не только решает возникшую перед ним конкретную задачу, но более или менее сознательно, (а подчас машинально) задает себе в разных

формах “философские” вопросы – кто я, во имя чего живу, к чему стремлюсь, в чем смысл всего со мной происходящего? И ответ на эти вопросы входит в состав его мировоззрения, образует рабочую жизненную концепцию, философию повседневной жизни, в которой преобладает ценностный момент» [4, с. 77]. В силу этого смысл жизни рассматривается им как понятие, охватывающее отношения субъекта к себе и к различным сферам экзистенциальных человеческих ценностей: к труду и материальным благам, общественной деятельности, знаниям, развлечениям, эстетическим удовольствиям, любви и дружбе, семье и т. д.

При этом смысл жизни, как и система отражаемых в нем ценностей, является иерархически организованным и динамическим образованием. Личностные ценности могут существенно различаться по степени значимости и органичности для субъекта, устойчивости изменчивости, интимности и глубины усвоения, широты и обобщенности, а главное – они по-разному сочетаются, сосуществуют или конфликтуют и так или иначе интегрируются в ценностной системе.

Как утверждает профессор А.Р. Ратинов, «различия в смысле жизни у разных людей состоят вовсе не в том, что одни что-то ценят, а другие то же самое решительно отвергают. Люди есть люди, и базовые общечеловеческие ценности признают все, но предпочитают их по-разному. Видимо, рельеф ценностно-нормативной системы в разных социальных средах и группах у разных индивидов при всей общности должен обладать определенной спецификой» [4, с. 79]. Исследованиям смысла жизни, специфических акцентов и предпочтений в его понимании разных категорий преступников посвящены многочисленные работы коллектива научных сотрудников ВНИИ прокуратуры РФ, руководимого профессором А.Р. Ратиновым.

В последние годы появилось много прикладных исследований содержательного компонента смысла жизни и смысложизненных ориентаций. В то же время надо отметить очевидный недостаток работ, посвященных изучению аффективно-ценностного компонента смысла жизни.

Активная разработка танатологической проблематики в психологии началась только во второй половине XX в. Причем смерть рассматривается как продолжение жизни, обнаруживается тенденция ко всё большей интеграции понятий жизни и смерти в целостный опыт личности и признание значимости подобного опыта для личностного роста и самоактуализации. Считается, что изучение представлений и установок в отношении смерти может пролить свет и на установки людей в отношении к своей жизни и основным ее ценностям.

Для юридической психологии проблемы смерти и отношения к ней, напротив, являются исходными, и трактовка их менее однозначна. Танатологические вопросы рассматриваются в юридической психологии в рамках исследования трех проблемных направлений: при изучении личности насильственных преступников, и в частности убийц, в исследованиях причин и мотивов суицидального поведения и в контексте психолого-правовых проблем эвтаназии.

Начало этих исследований было связано с социальным заказом необходимости гуманизации уголовного права и проблемами изучения личности преступника.

В истории юридической психологии проблему отношения к смерти впервые поставил последователь Ч. Лоброзо итальянский юрист Энрико Ферри. Еще в 1888 г., рассматривая структуру личности антропологического типа убийцы, Э. Ферри выделил в качестве одной из его характеристик психическую (или нравственную) нечувствительность, проявляющуюся в безразличии к страданиям и смерти, что обнаруживается в отношении к жертве, своим товарищам и соучастникам и, наконец, даже самому себе. Психическая нечувствительность, по его мнению, является следствием физиологической нечувствительности, которая, в свою очередь, определяется анатомио-физиологическими аномалиями организма и может быть установлена с помощью объективных методов.

Надо заметить, что, несмотря на большое количество работ, посвященных личности насильственных преступников, и в частности, убийц (С.Н. Абельцев, В.Н. Кудрявцев, А.С. Михлин, В.Ф. Пирожков, Е.А. Писаревская и др.), экзистенциальные аспекты этой проблематики в рамках криминальной психологии и криминологии рассматривались явно недостаточно. Причем в имеющихся в научной литературе концепциях обнаруживается отчетливое влияние фрейдизма и неофрейдизма.

Как известно, сам З. Фрейд проблемами преступности специально не занимался, поэтому криминальная агрессия осталась вне поля его зрения. Однако он постулировал существование у человека бессознательного желания смерти, которое он связывал со стремлениями к разрушению и самоуничтожению. В рамках модели классического психоанализа З. Фрейда Жизнь постоянно борется со Смертью. Сравнивая современного человека с первобытными людьми, их отношением к чужой смерти, З. Фрейд утверждал, что мы «те же убийцы, какими были наши предки» [7, с. 184].

Еще большее влияние на взгляды отечественных криминологов оказала концепция Э. Фромма (1994). В качестве одной из форм «непродуктивной ориентации характера» человека он выделил некрофилию, под которой подразумевается тяга к разрушению – стремление сделать жизнь механической, контролируемой, омертвелой, в противоположность биофилии – любви ко всему живому.

В основе некрофилии лежит механизм бегства по типу деструктивизма. В отличие от садизма, направленного на усиление одного индивида путем доминирования над другим, деструктивизм направлен на устранение любой потенциальной угрозы извне. Именно из таких людей, утверждает Э. Фромм, вербуются палачи, террористы, истязатели. Именно к этой категории людей он относит убийц.

Э. Фромм полагал, что некрофилия как феномен психической патологии выступает как неизбежное следствие задержки развития, душевной «инвалидности» и как результат непрожитой жизни. По его мнению, если человек «...не может вырваться из оков своего нарциссизма и постоянно ощущает свою изолированность и никчемность, единственный способ заглушить это невыносимое чувство ничтожества и какой-то «витальной импотенции» – самоутвердиться любой ценой, хотя бы ценой варварского разрушения жизни. Для совершения акта вандализма не требуется ни особого старания, ни ума, ни терпения; все, что нужно разрушителю, – это крепкие мускулы, нож или револьвер...» [8].

В то же время, как он полагает, нет жесткой границы между некрофильской и биофильской направленностью: каждый индивид представляет собой сложную совокупность, комбинацию признаков, находящихся в конкретном сочетании; количество таких сочетаний фактически совпадает с числом индивидов.

Полностью некрофильские характеры встречаются сравнительно редко, таких людей следует рассматривать как тяжелобольных и искать генетические корни этой патологии. У большинства людей мы можем обнаружить смесь из биофильских наклонностей и некрофильских тенденций, причем последние достаточно сильны, чтобы вызвать внутренний конфликт личности.

Так, например, Ю.М. Антонян (1997) в качестве причин убийства также выделяет некрофилию. Причем в отличие от Э. Фромма, исключавшего сексуальный смысл этого слова, Ю.М. Антонян рассматривает некрофилию как неудержимое влечение к смерти, включая и патологическое половое влечение.

Рассматривая психологию убийства, он пишет: «Убийство – это отрицание жизни и отвращение к ней, это наиболее полное воплощение ненависти, очень часто ненависти безадресной, ненависти вообще, ненависти ко всем, и она тем сильнее, чем больше человек или социальная система отчуждены от конструктивных ценностей» [1, с. 84].

По мнению Е.Г. Самовичева (2002), в сознании подавляющего числа людей проблема онтологических основ, специфики их «бытийного» статуса не отражается. Уверенность большинства в своем праве на существование подтверждается для них уже самим этим фактом. В то же время, как полагает автор, преступники-убийцы представляют собой категорию людей, для которой право на собственное существование не очевидно, а доказывается исключительно фактом криминального лишения ими жизни другого человека. Как пишет Е.Г. Самовичев, «убийцы демонстрируют совершенно специфический способ существования человека, в основе которого лежит отсутствие субъективно-психологической определенности данного факта и более того – своего права на существование» [5, с. 59]. Причем именно этот онтологический статус личности обладает мощным мотивирующим потенциалом.

Автор утверждает, что «убийство не имеет внешней мотивации, его нельзя оправдать никакими внешними обстоятельствами (хотя таковые почти всегда можно найти). Оно имеет чисто субъективную мотивацию, суть которой не в достижении какого-либо конкретного предметного результата, а в преодолении своей «противоестественной» жизненной позиции» [там же, с. 59]. Таким образом, по мнению автора, в сознании убийц ценность собственной жизни подтверждается смертью другого человека.

Весьма интересным представляется эмпирическое исследование отношения к смерти лиц, осужденных за совершение различных преступлений, проведенное А.А. Бакановой (1999). Она полагает, что отношение к жизни и смерти представляет собой систему, основными эмоциональными и рациональными компонентами которой являются: степень принятия жизни и смерти, онтологическая защищенность, принятие себя, видение смысла, ответственность, стремление к росту,

представление о смерти как переходе в другое состояние или как абсолютном конце. В соответствии с различным соотношением рациональных и эмоциональных компонентов отношения к жизни и смерти в критических ситуациях определяет восемь жизненных стратегий совладания с ними: «Стремление к росту», «Поиск смысла жизни», «Любовь к жизни», «Страх перед жизнью», «Захват жизни», «Страх изменений», «Самоуничтожение» и «Гедонизм». Несомненно, что это исследование представляет большой интерес. Однако ее выборка включала осужденных, как за насильственные, так и ненасильственные преступления, что не позволяет, в конечном счете, определить специфику отношения осужденных к этим экзистенциальным проблемам, связанную с их собственным опытом столкновения со смертью.

Еще одним интересным исследованием является работа С.В. Коваленко, которая исследовала отношение к смерти подростков, совершивших убийства, но в силу малолетства не привлеченных к уголовной ответственности. В ее исследовании показано, что несовершеннолетние, совершившие гомицидные деликты, характеризуются специфическим по сравнению со сверстниками содержанием представлений о смерти, в рамках которого облегченное принятие смерти другого человека сочетается с избеганием оценки и/или отрицанием вероятности собственной смерти, и выраженностью аффективно-ценностного компонента отношения к смерти, что обнаруживается как когнитивно-аффективная озабоченность смертью и на уровне страха смерти, и на уровне танатической тревоги.

Еще одно из направлений изучения отношения к смерти в контексте психолого-правовых проблем – это вопрос о допустимости эвтанази. Термин «эвтаназия» (благоумирание) был предложен английским философом Френсисом Бэконом еще в XVII в. для определения «легкой смерти». Проблема возможности ускорения смерти неизлечимого больного с целью ограждения его от невыносимых страданий (исключительно в тех случаях, когда сам больной просил об этом) трактовалась им как право на свободу выбора. Современное определение термина «эвтаназия» было дано Конгрегацией Вероучения в «Декларации об эвтаназии» от 5 мая 1980 г. «Под словом эвтаназия подразумевается всякое действие или, наоборот, бездействие, которое по своей сути или намерению приводит к смерти, имеющей целью устранение боли и страдания». То есть в ее прямом значении, эвтаназия – это умышленное убийство при помощи метода, причиняющего наименьшие боль и страдания, совершенное «из жалости» для того, чтобы положить конец невыносимым страданиям, или для того, чтобы избежать трудностей жизни, которая считается «нечеловеческой», «недостойной самого человека».

Надо заметить, что эта проблематика включает два основных аспекта: вопрос о праве человека на добровольный уход из жизни и вопрос об отношении к чужой смерти, вопрос о допустимости убийства другого человека (пусть из самых благих побуждений). Причем в литературе, посвященной проблемам эвтаназии, наиболее обсуждаемым является первый вопрос – право человека на добровольный уход из жизни. Работ же, посвященных эвтаназии как убийству из сострадания, к сожалению, явно недостаточно. Между тем совершенное убийство, из каких

бы «благородных» мотивов оно не совершалось, не может не влиять на личность убийцы. Психолого-правовые и нравственные аспекты этой проблемы требуют самостоятельного изучения.

И, наконец, третье направление танатологических проблем в юридической психологии связано с изучением психолого-правовых аспектов суицидального поведения. В рамках этой проблематики преобладают исследования, направленные на обоснование методологии производства судебно-психологических экспертиз по уголовным делам о суицидах и суицидальных попытках. В результате основная масса исследований в этом направлении ориентированы на практику производства судебно-психологических экспертиз и редко достигают достаточно высокого уровня теоретических обобщений.

Таким образом, теоретический анализ литературы свидетельствует о том, что в рамках юридической психологии исследования экзистенциальной проблематики носят преимущественно прикладной характер, редко поднимаясь на уровень теоретических и тем более методологических обобщений.

Причем в рамках отношения к смерти в научной литературе преимущественно анализируются проблемы, связанные с собственной смертью и утратой близких субъекту людей. В то же время необходимо отметить, что ощущается явный дефицит работ, посвященных отношению к смерти людей, ее причиняющих, как в научной литературе в целом, так и в криминально-психологической литературе, в частности. Представляется, что именно в этом направлении будут открыты новые перспективы изучения проблемы личности преступника.

Литература

1. Антонян Ю.М. Психология убийства. – М.: Юристъ, 1997. – 304 с.
2. Баканова А.А. Отношение к жизни и смерти в критических жизненных ситуациях: автореф. дисс.... канд. психол. наук. – СПб, 2000. – 22 с.
3. Коваленко С.В. Отношение к жизни и смерти подростков, совершивших гомицидные действия: автореф. дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.06. – Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2007. – 20 с.
4. Ратинов А.Р. Психология личности преступника. Ценностно-нормативный подход // Личность преступника как объект психологического исследования. – М., 1979. – С. 3–33.
5. Самовичев Е.Г. Психологическая этиология убийства // Психологический журнал. – 2002. – Том 23. – № 5. – С. 49–59.
6. Ферри Э. Психология преднамеренного убийцы // Юрид. вестник. – М. – 1888. – Т. XXIX. – Кн. 1. – С. 3–30. – Кн. 2. – С. 167–98.
7. Фрейд З. Мы и смерть // Психология смерти и умирания: хрестоматия / сост. К.В. Сельченко. – Мн.: Харвест, 1998. – С. 182–198.
8. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности: пер. с англ. – М.: Республика, 1994. – 447 с.